

Виктор Жмыхов

Носовский вальс

Повесть

Эта небольшая улочка в центре местечка, которая начинается с центральной дороги, уложенной булыжником, называлась Почтовой потому, что в другом ее конце стояло здание почты.

Сама по себе улочка была незавидной, неприметной и особенного внимания прохожие к ней не уделяли, потому что все домики на ней были довоенные и время оставило на них свой отпечаток. Подвалины у многих из этих домишек давным-давно уже потрухли и от этого домики осели и стали совсем низенькими, настолько, что окошки у многих были над самой землей. Весной, когда пригреет солнце и побегут ручейки, по улице Почтовой не пройти не проехать. В весенний период на Почтовую не появляйся без сапог.

Каждый хозяин своего жилища вымощивал возле своего двора дорожку битым кирпичом, шлаком от сгоревшего в печке угля и разными подручными материалами, лишь бы как-то выбраться со двора или наоборот – зайти во двор.

Улочка небольшая, непривлекательная, но всегда многолюдная, потому что каждый носовчанин и носовчанка постоянно наведывались к почте. Улочка, на которой разместилось дворов пятнадцать всего.

Одним словом, такие улицы в историю не заносят и поэты стихи о ней не напишут. Но оставила эта улочка в наших юных сердцах, самые теплые, дорогие и неизгладимые воспоминания.

В самом конце Почтовой улицы, если немного повернуть направо, на небольшом бугорке стоял домик с небольшими окошками, состоящий из входного коридорчика, небольшой прихожей, в которой размещалась и кухня и печь - спальня, да одной квадратной комнаты. В этом доме жила вдова Галина Харкевич со своим сыном Андреем и дочерью Верой. Парадной своей стороной домик смотрел на строение почты, а тыльной — на речку Носовочку, которую кто-то не иначе, как по злобе прозвал Заводской канавой. Итак, семья Харкевичей состояла из троих человек.

Андрей Харкевич был на один год старше за меня, а от двоюродного брата Николая – на три. Его красивая сестра Вера была тоже нашей ровесницей. Поздними зимними вечерами, когда на улице метель и морозы доходили до тридцати градусов и выше, я шел к Андрею, чтобы покрутить пластинки, послушать знаменитых на то время певцов, таких, как Владимир Трошин, Георг Отс, Марк Бернес и других.

По дороге к Андрею я заходил к его брату Николаю Харкевичу и мы вдвоем заходили во двор Володи Чмеля, который жил напротив Харкевича через дорогу. Теперь мы втроем шли в конец Почтовой к Андрею. Тетя Галя с улыбкой на лице встречала нас на пороге, приглашала в дом. Андрей, в отличие от нас, был полностью зрелым человеком, серьезным самостоятельным парнем.

Кроме учебы в школе наша семнадцатилетняя компания особенных хлопот не знала, а Андрей заканчивал вечернюю школу и рано утром шел на работу в Носовский райпромкомбинат, где поначалу обучался сапожному делу. И все же Андрей находил время на отдых.

Его сестра, симпатичная, стройная девушка, нравилась не одному парню Носовки и каждый подросток смотрел ей вслед, когда она проходила мимо.

Но Вера на наши взгляды не обращала никакого внимания. Мне очень хотелось, чтобы Вера была рядом с нами, в нашей ребячьей компании, когда мы гуляли в ее доме, но эта красавица убегала от нас в прихожую комнатку, забиралась в угол или на печь и учила уроки.

Чтобы как-то выразить свое внимание к ней и даже более того - свою юношескую любовь к ней, я все время, по несколько раз за вечер, ставил на патефон одну и ту же пластинку (хоть их было множество) с песней Владимира Трошина «Мечта». В этой задушевной песне говорилось о том, что встретились двое влюбленных людей тогда, когда их юность давно прошла и он - тот, который так когда-то в юности любил эту, теперь уже зрелую женщину, не прячет, не скрывает своей ревности к ней, но через много лет спустя, теперь уже не может ничего сделать, кроме того, что полететь в далекий край, где снова в своих помыслах и воспоминаниях он станет молодым, где седина облетит, как дым, где есть та давнишняя скамейка, на которой они так давно когда-то рядом сидели, будучи юными, вдвоем. Он придет к той скамейке, чтоб тепло милых губ вдохнуть и первый свой поцелуй вернуть...

Я ставил эту пластинку бесконечно, облакачивался на стол, тяжело вздыхал и курил самокрутку или папиросу. На меня было тяжело и смешно смотреть со стороны, но я, наверное, этого не замечал.

Может Вера и видела мое страдальческое поведение, но она не подавала никаких намеков, никаких признаков на мои тяжелые вздыхания. Я был обыкновенным мальчишкой без особенных природных данных, за исключением моих полных фигурных девичьих губ, мелодичного голоса и музыкального слуха.

Кола Харкевич, задумавшись, наблюдал за тем, как я насилюю патефон, потом вставал со стула, дожил руку мне на плечо и говорил:

— Ну что я, брат, сделаю? Любить сердцу не прикажешь...

Заканчивалась песня «Мечта», а вместе с этой песней и моя мечта в отношении к Вере, ибо окончив десятилетку, она со своей подругой Ларисой Бурдюг поехала в Киев и поступила в геолого-разведывательный техникум.

Мы собирались у Андрея, как всегда. Коля Харкевич - двоюродный брат Андрея, крутил патефон. Ему очень нравилась песня, а вернее мелодия «Брызги шампанского», «Цыган», «Цветущий май». Его сентиментальное настроение отразилось на мне и на Андрее. Четвертый наш товарищ - Володя Чмель, был равнодушен к нашим вздохам и сентиментальностям. Он больше любил сыграть несколько партий в шашки или шахматы и яростно спорил с братом Веры Андреем за тот или иной шахматный ход, глубоко затягиваясь «Ракетой» или «Спортом». Чмель радостно потирал ладони, когда своим очередным ходом заводил партнера в затруднительное положение.

Наигравшись в шахматы или шашки, прослушав не менее двадцати пластинок, одурев от табачного дыма, мы выходили вчетвером на улицу, чтобы подышать свежим воздухом. Морозный воздух от непривычки сдавливал дыхание, проветривает одежду от табачного дыма, щиплет за уши и освежает мысли. Мы шли по Почтовой и мечтали вслух о будущем. Андрей не отступал от своих ранних намерений стать хорошим, классным обувщиком. Дело непростое пошить хорошие мужские или женские модельные туфли. Не каждый это сможет, да и не каждый этого хочет добиваться.

Вот, например, — говорит Андрей, — есть у нас в промкомбинатовской мастерской некоторые товарищи, которые абсолютно не стремятся повышать квалификацию. Ты знаешь, — обращается он ко мне, — наверное раньше всех поступил на работу в сапожную мастерскую Мишка горбатый, а ведь дело делает так себе, спустя рукава. Больше, чем присобачить грубую заплатку или подбить каблук, ничего не умеет. Ну да это уж ладно. Не желает стать хорошим обувщиком, так это его личное дело. Но самое скверное дело, что не успеет еще закончить заказ, как уже еле сидит на скамейке и вот-вот упадет с нее. Проглатывает стопку за стопкой и не успеешь заметить когда. Не было и дня, чтобы шел домой трезвым.

Да, Андрюша. — говорит Володя Чмель. — Сапожную науку еще можно освоить, а вот попробуй поступить в мореходное училище... здесь сложнее, чем молотком стучать да шилом дыры в туфлях делать. А я вот думаю поступать в мореходку после окончания десятого класса, — продолжает Чмель. — То ли дело, путешествовать по морям и океанам, побывать в разных странах, увидеть Сингапур и Бомбей, изучить некоторые языки и общаться с девушками красивыми. А чего стоит только одна морская форма одежды... — И добавляет, — это не то, что пехота. Я в пехотное училище и задаром бы не хотел, а не то, что сдавать экзамены. Нет, я решил твердо - только в мореходное училище буду рваться.

А ты уверен в том, что пройдешь медицинскую комиссию? — спрашивает Коля Харкевич.

Да, на здоровье не жалуюсь, как будто бы. Брат Виталий служит в военно-морском флоте и я не подведу его.

Тебе, Вовка, хорошо рассуждать, когда у тебя здоровье хорошее, а у Андрея после болезни ушей дела со слухом неважные, — перебил разговор Чмеля Коля

Харкевич. — Если бы не слух, Андрей бы куда хочешь поступил. Он ведь, как ты и сам видишь, не мальчик с пальчик. Что рост, что плечи и кулаки, как гири. Если приклеит таким кулаком любому - не поднимешься. С ушами у него беда. Никакая комиссия его не пропустит ни в одно военное училище, — закончил Николай Харкевич.

А я после окончания школы буду поступать в пединститут, — после некоторой паузы сказал Николай. — Благородное дело - учить детей уму-разуму. Конечно, надо еще армию отслужить. От этого никуда не деться. Три года надо отдать Отечеству, а потом — потом ты вольный казак. Куда хочешь, туда и поступай, — утвердительно говорит Николай.

Не смотря на снег, который выпал накануне, на улице заметно потемнело. Уже около одиннадцати ночи. Придавливает морозец. Под ногами - скрип-скрип-скрип. Идем в центр к клубу. Возле клуба еще много людей, а в фойе танцы под аккордеон Миши Кузьменко. Андрей умеет танцевать. Он свободно подходит к девушке и приглашает ее. Мы только наблюдаем за всем происходящим в зале. Я да Коля Харкевич не решаемся выходить на общее обозрение. Мы слабо чувствуем себя в отношении танцев. Володя Чмель приглашает нас в киноаппаратную. Он всегда помогает перематывать киноплёнки старшему киномеханику и даже несколько раз уже самостоятельно демонстрировал кинофильм. Нам интересно посмотреть оборудование аппаратной и немного ознакомиться с аппаратурой «Украина».

Заканчивается выходной день. Заканчиваются танцы. Забираем Андрея из фойе и снова неразлучной четверкой идем к Почтовой. Составляем план на следующий выходной. Андрей обещает научить меня танцевать. В этот вечер я беру у него маленькую фотографию и через несколько дней рисую ему портрет карандашом. По правде сказать, хотелось нарисовать Веру, но фотографии подходящей мы с ее братом Андреем не нашли в альбоме. Все какие-то нечеткие, смазанные. Расходимся по домам, а вернее сказать, все ребята уже дома, на Почтовой. Мне же надо возвращаться назад в центр, на Троицкую.

Так проводили мы зимние вечера. В основном все вчетвером гуляли в доме Андрея. Наши занятия сводились к игре в шашки и шахматы, хотя в шахматы я почти не играл, а если играл, то слабо. Мы постоянно играли на патефоне. Рассказывали были, небылицы и анекдоты. Я часто помогал Андрею нарубить дров. Иногда нам надоедало сидеть в хате и мы выходили во двор поиграть в снежки.

Наша неразлучная компания никогда не задумывалась о том, что приходит пора подружиться, познакомиться со своей одноклассницей или ровесницей. А я вообще стеснялся подходить к девушке. Материальное положение у меня было до невозможности ужасным. Как мне было подходить к девушке, если на мне в мои пятнадцать, шестнадцать лет висела все та же незаменимая фуфайка, а в семнадцать - морской бушлат, который подарил мне Володя Чмель. Бушлат этот носил на флоте его брат Виталий, потом Володя, а потом я. Зимой я носил постоянно кирзовые сапоги. Другой обуви не было. На голове красовалась

кепка-восьмиклинка. Такая одежда говорила обо всем - о моих достоинствах, о моем материальном положении, о благосостоянии. Такая одежда наверняка отпугивала многих из девчат, которые жили рядом с моей хатой, да и вообще. Таковую одежду точь-в-точь носил Промокашка из кинофильма «Место встречи изменить нельзя».

Хотя в то невыносимо трудное время, а для меня ужасное время, многие из нас были похожи на Промокашку. Кепка, сдвинутая на лоб, фуфайка, вокруг шеи шарф, конец которого свисал по плечам, брюки, заправленные в кирзовые сапоги и немного нахлобученные на голяшки. В зубах окурок. Это была моя парадно-повседневная форма одежды. Быт мой - изба-развалюха, внутри которой стояла одна единственная кровать с поломанными пружинами и на которой спала мать-инвалид. Возле окошка ютился столик величиной пятьдесят на пятьдесят сантиметров и весь разболтан. Правда, в шестнадцать лет я его починил, уплотнил доски, закрепил ножки. Еще в одном углу стоял шкафчик без дверок, в котором находились две-три миски для еды и две кастрюли довоенного выпуска. Вот и вся моя мебель, вот и все мое состояние, если не считать той печки-лежанки, что наспех сделал отец перед отправкой на фронт и на которой в зимнее время спал я.

Никогда и никого из девочек не было в моем жилье, кроме одной девочки-ровесницы, которая жила напротив через дорогу и считалась неродной дочерью моего крестного отца Розума Василия Филипповича. Ермолаева Нина была не местной. Она приехала в Носовку со своими родителями. Вскоре отец умер, а мать Ольга Ивановна вышла замуж за моего крестного и работала в носовской столовой. Но это чуть позже. Дочь ее Нина иногда забегала к нам, убирала в хате. Однажды она побелила внутри, замазала глиной щели в стенах и потолке. Я видел, что русская девочка хочет подружиться со мной, но сам не проявил особого хотения, потому что сознание было на очень низком уровне, да и стеснение, которое начало пробуждаться во мне тормозило на корню мои стремления. Тогда нам было с Ниной Ермолаевой по четырнадцать лет. Тогда она в свои четырнадцать лет и погибла. Я стоял возле хаты, когда мимо пробежала моя ровесница Ольга Верременко. Она обхватила свои виски ладонями и кричала на ходу:

— Нину убило! Нину убило!

Катаясь на велосипедах, девчонки забрались в один из переулков. В этом переулке кататься на велосипеде было невозможно, но зато он был под уклон и выходил на центральную дорогу. Девочки вели велосипеды вверх в руках, а потом садились и спускались вниз. Нина только училась кататься на велосипеде. Она не умела еще хорошо сидеть на нем, управлять и быстро реагировать на неожиданные случаи. Спускаясь вниз по переулку на большой скорости, она врезалась в грузовой «студебеккер», груженный сеном, который ехал по центральной дороге, расположенной перпендикулярно к переулку. Так погибла девочка, которая стремилась подружиться со мной...

Я бежал к месту происшествия. Возле грузовика с сеном стояли люди. Рядом, с левого борта, в дорожной пыли лежало тело Нины. Возле головы, примерно в полуметре, лежало что-то красно-белое и, как мне показалось, этот небольшой комок чуть-чуть зашевелился. Я присмотрелся. Это была часть черепа с мозгами.

Нина не мучилась. Она умерла в одну секунду. Удар был настолько сильным, что ей оторвало висок головы. Все стояли, не зная, что делать. Да и делать практически было нечего. Одна женщина вынесла старенькое одеяло и накрыла им Нину. Как только она накрыла ее одеялом, я со всех сил побежал домой. Бежать было недалеко. Всего метров четыреста. Я сообщил о случившемся матери Нины и своей маме.

Не помня себя, со двора выбежала Ольга Ивановна... Детские чувства реагируют на все случаи жизни спокойно. Несколько дней мы говорили о гибели Нины Ермолаевой, но постепенно этот случай начал угасать в нашей памяти, и только мать Нины, Ольга Ивановна да бабушка перешагивали порог нашей избы, делились горем с моей матерью и горько плакали все втроем.

Теперь уже нам было по шестнадцать и семнадцать. Мы росли и понемногу осознавали, что скоро выйдем на самостоятельную дорогу.

В мальчишечьей компании не думаешь о девчонках, не строишь планы на что-то серьезное. Все ждем лета. Скорее бы оно пришло. Наигравшись в шашки, шахматы и карты, накурившись до рвоты, мы поздним вечером выходили из хаты Андрея. За его хатой сразу же начинался огород, а в конце огорода - небольшая речка Носовочка, которую зовут иногда «заводской канавой».

Идем вдоль огорода вниз к озерцу, которое носит название Больничное. Решили искупаться.

Вокруг могильная тишина и только иногда во сне заквакает лягушка. И снова тишина. Вода недвижимая. Даже жалко тревожить ее.

Над селом плывет густой запах сирени. Этот запах наполняет каждую улицу, каждый двор. Набултыхавшись досыта в теплой, как парное молоко воде, выскакиваем на берег. Хотя и безветренная погода, все же в первое мгновение по телу проходит прохлада. Каждый скачет на одной ноге, наклонив голову набок и вставив палец то в одно то в другое ухо для того, чтобы вытекла вода. По окончании водной процедуры - небольшая пробежка по берегу. Теперь одеваться.

Обговариваем коллективно в чей сад сходить и подкрепиться яблоками. Кто-то предлагает пробраться огородами к недалекому соседу Андрея - Косте Диберту, но тут же все вместе это предложение отклоняем, потому что у Диберта злая собака. Мыслями начинаем искать другое место и быстро находим. Это тоже рядом с домом Андрея, на той же улице Почтовой. Здесь почти у каждого жителя растут яблоки и груши. На ощупь ищем плоды и прячем за пазуху, в карманы, даже не попробовав на вкус. Уже потом, когда оставили огород, кто-то, надкусив яблоко, сказал многозначительно:

— Москву видать!

Так почему-то говорили все ребята, когда ели кислое яблоко.

— Москву видать, — повторяет другой.

Хорошо, что нарвали немного, а то ведь жалко выбрасывать.

— Давайте споем песню, ребята, — говорит Коля Харкевич.

Я поддерживаю его и начинаем трошинскую «Тишину». Дружно подхватывают Андрей и Володя. Песня льется по всему лугу, по всей окрестности, по улице Почтовой до самого госпиталя. Песня мелодичная, слова ее задушевные и голоса наши не фальшивят. После окончания «Тишины» Андрей без паузы и предупреждения начинает свою любимую песню «Ніч яка місячна».

Вообще-то Андрей, в отличие от нас, очень любит народные песни.

С берега мы поднялись, возле деревянного мостика, что лежит через речку Носовочку, на шоссеиную дорогу и напрямик пошли в центр, рассказывая на ходу о разных приключениях. Володя Чмель смотрит на часы. Только у него тогда были часы. Уже начало двенадцатого ночи. Пора по домам. Возвращаемся на почтовую. Володя Чмель сообщает нам о том, что завтра в клубе будет демонстрироваться кинофильм «Тихий Дон».

Это сила по сравнению с другими фильмами! Пойдем? — спрашивает он и продолжает, — я буду завтра помогать контролеру пропускать людей в кинозал. Как-то помогу, чтоб без денег посмотрели все вместе.

Пойдем, — твердо отвечаем мы.

Володя Чмель, не смотря на свои шестнадцать лет, был своим среди всего коллектива работников носовского клуба. Он сумел быстро познакомиться с главным киномехаником Владимиром Захаровичем, и хотя тот был на десять-двенадцать лет старше, Чмель был с ним на ты. Киномеханик приглашал Володю Чмеля в свою киноаппаратную и просил, чтобы тот помог ему перемотать бобины с кинолентами перед демонстрацией кинофильма.

После, когда Володя освоил эту нехитрую науку. Киномеханик разрешал ему в своем присутствии управлять киноаппаратом «Украина» и демонстрировать кинофильмы. Уже через несколько месяцев Володя без всяких трудностей справлялся с работой сам, если, бывало, киномеханик «переберет» на крестинах или на свадьбе.

Работы в киноаппаратной хватало и особенно в выходные дни, ибо кинофильм демонстрировался по четыре-пять раз в день. Нужно было перематывать бобины ручным способом после демонстрации каждого фильма. После перемотки необходимо было проверить поочередность установки каждой катушки с кинолентой, чтобы случайно не перескочить через несколько катушек. Если такое случалось, то в зале поднимался такой шум и вопли, что страшно усидеть. А еще вдобавок получишь в свой адрес всем известное и унижительное слово «сапожник». Это слово весь зал кричит до тех пор, пока в киноаппаратной не поправят дело и фильм снова будет демонстрироваться

нормально. На задних сидениях всегда сидит компания подвыпивших и не дай бог, чтобы киномеханик прозевал и не включил второй аппарат. Тогда на белом поле киноэкрана появляется чистое квадратное пятно. Вот тогда-то и получай киномеханик и в хвост и в гриву. А когда тебя назовут несколько раз «сапожник» или «партач», то это прозвище, как клеймо у раба - навсегда. Идешь по Носовке и слышишь в свою спину - сапожник.

Самому в киноаппаратной работы больше, чем надо, но Володя Чмель уже стоял на ногах твердо. Кроме всего Чмель был привязан к носовскому клубу не только в выходные дни, но и в будни, потому что, кроме работы в аппаратной, нужно было привозить металлические ящики с бобинами для демонстрации нового фильма, успеть на кружок духового оркестра, который был организован при клубе. Благодаря своим огромным легким он хорошо управлялся с «басом».

Матери Володи Чмеля было нелегко выводить в люди двух сыновей. Старшему - Виталию нужна была материальная поддержка, так как он, закончив службу на флоте, поступил в Киевский институт иностранных языков. Володя оставил занятия на дневном отделении и перешел на вечернее. Десятый класс он окончил на вечернем отделении носовской средней школы № 1.

Будучи в коллективе духового оркестра, Чмель зарабатывал небольшие деньги. Аппаратную он все же не оставил.

Так постепенно Володя Чмель отходил от нашей компании, хотя иногда, поздними вечерами, он заходил к Харкевичам, где как всегда сидела наша неразлучная тройка.

У Владимира Чмеля, у одного из первых среди носовчан, на то время появилась новинка - велосипед с маленьким двигателем, и теперь ему не надо было тратить деньги для того, чтобы доехать до носовской железнодорожной станции за ящиками с кинолентами, или съездить по любым надобностям в тот или иной конец райцентра.

Наша тройка теперь раньше всех жителей Носовки знала репертуар кинофильмов на неделю. Нам повезло и в том, что контролером на входных дверях была мать нашего школьного товарища, Жигуна Анатолия. Тетя Анюта была хорошей женщиной, и как бы не было тяжело всем нам материально, но мы постоянно смотрели кинофильмы «зайцами».

Уже давным-давно закончились наши подпольные походы в кино, которые мы совершали в детстве.

Эти подпольные походы в полной мере соответствовали своему значению этого слова, ибо мы залазили в кинозал именно под полом сцены. Когда-то мальчуганами мы заходили в помещение кинозала с тыльной стороны да еще и под фундаментом здания клуба. В сплошной темноте, в паутине, на ощупь мы ползли на животе под полом здания, потом осторожно отрывали доску в том месте, где была сцена и висел киноэкран, поднимали головой эту доску и залазили на сцену. С тыльной стороны этого экрана мы сидели, как мыши в ожидании начала демонстрации фильма. Перед началом кино на сцену никто из

работников клуба не заходил, а зрители, сидящие в зале, нас так же не могли увидеть по ту сторону экрана.

Когда начинался фильм и гасили свет в зале, мы тихонько на цыпочках и почти вприсядку опускались со сцены по деревянным ступенькам лестнички и так же быстро в полутьме разбегались по залу. Мы рассеивались между зрителями и прятались кто где мог. Сердобольные взрослые зрители прятали нас между колен своих ног, под скамейки и прямо на деревянном полу, между рядами.

Когда все утихомирится в зале, мы спокойно садимся прямо на пол и смотрим кино. Это продолжалось месяцами и даже годами. Мы смотрели один и тот же кинофильм по несколько раз на день и заучивали тот или иной эпизод наизусть. Всех артистов и героев фильма мы помнили поименно и пофамильно.

Но частенько такие походы в кино обходились нам порванной одеждой, потому что мы лазили под сценой, где в опорные деревянные столбики и половые доски были забиты гвозди. Часто нам мял уши киномеханик, который при демонстрации кинофильма поручал работу помощнику, а сам шел в зал отлавливать «зайцев». Киномехаником в то время был Анатолий Овод. Он стоял в зале и наблюдал, как маленькие силуэты сползают во тьме со сцены и, прячась, как мыши, расползаются в разные стороны. Тогда киномеханик подавал команду помощнику, а тот останавливал аппарат. В зале включался свет и киномеханик находил нас в разных скрытых местах. После этого фильм снова начинали демонстрировать, а киномеханик выводил нас за уши через парадные двери фойе.

На смену нашим подпольным вылазкам к нам пришла в голову дерзкая мысль - прекратить всякую подпольную деятельность и действовать открыто. Проходить в кинозал, как все нормальные люди через контролера, но по поддельным «документам» - то есть по склеенным билетам. Теорию склеивания билетов разработал мой старый друг Коля Белошапка. Мастерской по склеиванию двух частей билетов служила моя изба.

Сначала мы шли на мусорник, который был за клубом, рылись в нем, находили те частички билетов, которые выбрасывал контролер после показа кинофильма. Также на улице собирали билеты, брошенные людьми после сеанса. Все это приносил каждый ко мне домой. Мы намачивали обрывки билетов в воде, разглаживали тщательно, отрезали ровно неровные края на той и другой частях билета так, чтобы не было выпадения букв со слов, примеряли, стыковали сначала без клея один к другому и только потом брали комочек вареной картошки и долго разминали указательным пальцем на столе. Получалась тягучая липкая масса. Две части билета мы склеивали внакладку. Так продолжалось недолго. Вскоре нас разоблачили контролеры и очень просто. Контролер видел, что идет группа подростков на взрослый сеанс. У него сразу же появлялось подозрение к этим оборванцам и контролер брал билет в руки, поднимал его вверх и смотрел на свет лампочки. Через яркий свет была четко видна склеенная полоска. Нам давали подзатыльник или же оттаскивали от двери за ухо.

И все же мы усовершенствовали технологию по склеиванию билетов. Теперь две части не накладывались одна на другую, а стыковались. Ровно отрезанные края двух частей билета накладывали на папиросную бумагу, предварительно смазанную картофельным клеем, придавливали прессом и подсушивали. Если мастерски отрезать края, подогнать буквы так, чтобы не терялся смысл слова, то тогда стыковки не увидишь даже на свет лампочки. Мы очень часто смотрели кинофильмы на такие билеты. Беда еще и в том, что та часть билета, которую отрывал контролер и потом выбрасывал на мусорник, часто не совпадала по цвету бумаги с той, что мы находили на улице, которую выбрасывали зрители. Дело все в том, что на мусорнике валялись часто контрамарки от билетов за разные дни и они часто отличались цветом бумаги от тех частей билетов, что мы подбирали на улице сегодня.

Прошло время. Ушли те детские годы. Теперь нам уже было стыдно совершать подобные «походы» в кино, потому что мы были шестнадцатилетними.

На старый новый год я и Николай Харкевич решили встретиться у Андрея. На новогодние праздники должна была приехать из Киева сестра Андрея Вера со своей подругой и однокурсницей Ларисой Бурдюг. Когда мы с Николаем зашли в дом Андрея, нас встретила тетя Галя - мать Андрея.

— Андрей, встречай своих неразлучных, — сказала она.

Андрей уже в парадной форме. Я, переступив порог, посеял зерном по старому обычаю в прихожей. Мы поздоровались и зашли в зал. Еще на пороге, переглянувшись с Николаем, поняли друг друга без слов. Вера и Лариса не приехали. Харкевич сделал что-то подобное, как вроде бы кашляет. Он закричал. Эта привычка у него была издавна, и так он делал всегда, когда был чем-то недоволен. Посидели, поговорили, вспомнили тех, кто уже не учился в нашей средней школе №1, а после окончания семи классов поехали в Киев и поступили в разные учебные заведения.

А почему нет Верки? — спросил свою тетку Коля Харкевич. Он всегда так называл свою двоюродную сестру.

Наверное, там что-то поменялось в Киеве, а может быть еще приедет другим поездом, — ответила тетя Галя, посмотрев на нас грустным взглядом, и пошла готовить на стол.

Встретили Новый год в маленькой, скромной, но зато такой родной компании. Коля Харкевич взял семиструнку. Он хорошо пел и играл на гитаре: Мы с Андреем поддержали его. Задушевная мелодия полилась из-под Колиных пальцев. Эта мелодия была наполнена волнением. Она задевала сердце и была окрашена тоской...

Когда Николай брал гитару, ее струны в редком случае издавали радостные звуки. Лирика у него была неисчерпаемая. Играя на гитаре, он забывал обо всем вокруг. Красивые черные волосы падали ему на лицо, и от этого он часто встряхивал головой и отбрасывал их на лоб.

Гитара Харкевича тихо плачет, скорбно звенит. Звучание гитары куда-то манит и зовет к чему-то неизвестному, но величественному.

Николай Харкевич любил тогда исполнять песни знаменитого певца и киноактера - Марка Наумовича Бернеса. К слову, нашего земляка из города Нежина. Нам всем нравилась песня из кинофильма «Два бойца» - «Темная ночь» и Николай с душой исполнял ее. Мы любили песни Бернеса такие, как «Три года ты мне снилась», «Журавли» и другие.

Иногда мелодия обрывалась и Коля ложил гитару. Он заводил патефон брата Андрея и ставил пластинку «Цыган» или же «Брызги шампанского». Тогда он в мыслях своих отходил от нас и углублялся во что-то далекое, неизвестное, недостижимое... Одна за другой сгорали сигареты в его руке. Он несколько минут не видел нас и не слышал. На какое-то мгновение все для него вокруг исчезало, рассыпалось и таяло, как снег...

Сестра Андрея и ее подруга так и не приехали в ночь под Новый год. Появились они только на второй день, да и то, всего лишь на несколько часов. Собрав некоторый провиант, они в тот же день снова поехали на Киев. Без девчат нам было скучновато, но что поделаешь? Они уже были не наши. Они были, как говорят, при деле, а мы пока что слонялись из угла в угол.

Однажды, когда мы стояли возле двора Харкевича, к нам подошел парень совсем маленького роста. Даже чрезмерно маленького. Коля Харкевич познакомил меня с ним.

— Это Валерий, — сказал он.

Я пожал руку красивого лицом парня, прислушался к его речи, к взглядам на жизнь и мне он очень понравился. Я волей-неволей вспомнил о том, что Валерий часто выступал в праздничные дни на сцене носовского клуба с песнями. Он хорошо пел тенором. При разговоре он смотрел прямо в глаза своему собеседнику и щедро, с открытой душой всегда старался довести свою истину.

Немного позже Харкевич рассказал мне о том, что Валерий Кинсбургский пишет стихи и очень давно. Я об этом не знал раньше и когда Николай показал мне однажды его общую тетрадь со стихами, я подумал о том, что если бы ее напечатать, то был бы целый сборник.

Я спросил у Валерия о том, почему он не пошлет свои стихи в редакцию, но он со щедрой улыбкой ответил:

— Не пришло время.

От нас почти отошел Володя Чмель, но теперь нашу небольшую компанию пополнил Валерий Кинсбургский. Мы часто встречались у Коли Харкевича. Николай любил читать стихи Сергея Есенина. У него был сборник есенинских стихов. Он привил любовь и мне к этому знаменитому поэту. Николай декламировал стихи, останавливаясь на некоторых моментах и доказывая правоту и сущность того или иного выражения. Позднее я так полюбил стихи Сергея Есенина, что выучил, наверное, хорошую половину наизусть, и где бы я

не бывал, куда бы не бросала меня судьба по всему свету, и в каких уголках земли я только не был, я всегда декламировал эти стихи для себя и для девчат...

Валерий Кинсбургский сказал однажды о том, что он попробует в своих стихах воспеть наше родное село Носовку.

— Уже кое-что сделано, но только пока находится в сыром виде, — сказал Валерий. — Нужно еще немного поработать над этим стихом, — добавил он.

В выходные и праздничные дни мы часто ходили к носовскому клубу. Носовский клуб славился не только добрыми именами своих работников, таких как баянист Миша Кузьменко, а также руководитель танцевального коллектива, сестра Миши Оля Кузьменко, директором клуба Николаем Николаевичем Мольченко и постоянным контролером-кассиром Анной Леонидовной Жигун.

Славился клуб и ретивыми, отчаянными «королями» ночных носовских улиц.

Уставшая от нелегкой работы и повседневных поездок в Киев молодежь, шла в субботние и воскресные дни к клубу, чтобы хоть немного развеять уныние от нелегкой послевоенной жизни.

Михаил Кузьменко играл на баяне мастерски и от всей души. Для него было все равно, какую мелодию наигрывать - танго или фокстрот, краковяк или вальс. Он был профессионалом с большой буквы. Миша не только играл, но и пел неплохо в кругу друзей. Правда, на сцене он всегда только аккомпанировал.

Если рядом с Мишей Кузьменко стоял Валерий Кинсбургский, тогда фойе клуба кипело и бурлило. Прекрасный дуэт, хорошие музыкальные слухи у обоих и слаженные голоса завораживали публику.

Танцевали все, даже те, кто не умел танцевать. Но вот, в паузе между очередным танцем, по фойе из уст в уста прошептали:

— Зашел Володька Дэй и Олег Железняк. Теперь танцам конец...

И действительно, через несколько минут, где-то в углу фойе или же на улице, возле входа уже шла страшная драка. Били любого парня за то, что не смолчал и сказал в защиту оскорбленной девушки резкое слово. Били и просто так - чтобы видели все и боялись. Лишь бы другим неповадно было. Били по принципу - бей своего, чтобы чужой духу боялся. Фойе превращалось в сплошную бойню. Молодежь покидала помещение и выходила на улицу. Переставала играть музыка. Настроение у всех было испорчено. Через несколько минут возле клуба появлялся кто-нибудь из хранителей правопорядка, но вокруг было все тихо и мирно. «Короли» носовских улиц быстро и незаметно исчезали, и только несчастный стоял в углу с побитым лицом, а девушка вытирала платком его губы.

Владимир Дэй был красив от природы. Лицо его слегка удлиненное. Волосы черные, как смола, правильные черты, прямой нос, красивые губы и такие же, как и волосы по цвету, черные усы. Глаза Владимира Дэя, наверное, покоряли всех девчат в округе. За всю свою жизнь мне не доводилось видеть таких глаз, какие были у Дэя. Они приманивали одним единственным взглядом и наводили

ужас на ребят. Только когда-то в юные годы я вычитал в книге «Злой» о таких особенных глазах. Они были у него белоснежно-белыми с черными зеницами. Огромный контраст придавали красивые, большие девичьи веки, тонкие, правильной изогнутой формы брови и слегка смугловатое лицо. Веки его глаз, казалось, никогда не мигали, и потому глаза смотрели на человека недвижимо и сверлили насквозь.

Он всегда ходил в одежде, которая, что называется, шла ему к лицу, и был одет в военное офицерское галифе и хромовые офицерские сапоги. На плечах военная фуфайка, а голову прикрывала цвета хаки такая же офицерская фуражка полевого цвета с кокардой.

К его двухметровому росту и темным волосам военная форма была подходящей, и потому он чем-то смахивал на офицера царской армии.

Для Дзя в Носовке не было преград. Что он надумал, то и делает. Взгляд его был с еле заметной улыбкой, но страшный. Выпить спиртного он мог изрядно.

Я до сих пор вспоминаю, как меня мать послала за хлебом в раймаг. Купил я хлеб и стою себе. Рассматриваю продукты, как вдруг на левое мое плечо легла чья-то тяжелая рука. Я оглянулся и лицом к лицу столкнулся, с Володькой Дзем. Он был смертельно пьян. Его рука вся окровавленная и вооружена финкой продолжала лежать у меня на плече. Я испугался и не знал, как быть, как поступать, что говорить и что делать. Увидев мое лицо, Дэй с трудом выдавил из себя:

— А, это ты, Витя... Ну иди. Мне не тебя надо.

Он снял руку с моего плеча и повернулся к прилавку, возле которого стояли люди. Все ужаснулись, а я вышел из магазина ни живой, ни мертвый.

Любимыми песнями Вовки Дзя были «Магадан», «Там, где на севере в далеком Беломорье», «Мурка», «Опять по пятницам пойдут свидания» и им подобные.

Дэй исчезал из Носовки на строго определенный законом срок, а потом снова появлялся. Не смотря на подрастающее поколение сорвиголов, Владимир Дэй держал «свою марку». Его знала вся милиция Носовки и о таких, как он, писал в своих воспоминаниях знаменитый и известный всему уголовному миру следователь Лев Шинин.

Вовка Дэй особенной дружбы с носовской шпаной не заводил. Он даже с кряжистым и сильным в кулачном бою Олегом Железняком особенной дружбы не вел. Правда, иногда сидел в носовской столовой за стаканом водки вместе за одним столом. Дэй не боялся ходить по темным улицам Носовки, а наоборот - ребята старались обойти стороной Владимира, чтобы не испортить себе настроение и намеченный вечер.

Старшее поколение хорошо помнит носовского хулигана и драчуна Александра Гумена. Он был глухонемым. Жил он в небольшой избе со старенькой матерью. Носовский клуб был постоянным пристанищем для Сашки Гумена. И днями и вечерами этот парень, в отличие от других, вообще не ходил в компании таких, как сам. Он не курил никогда и даже советовал мне и Коле Буланову бросить

эту вредную для здоровья привычку. Гумен беспокоился о своем здоровье и выпивал, как рассказывал на пантомимах, по три литра молока за день.

В его кармане постоянно находилась небольшая книжечка боевого самбо, и когда мы приходили к клубу, Сашка Гумен насильно тянул каждого за здание и отрабатывал на нас приемы точно по книге.

Правда, Гумен никогда не обижал базарчан ни физически, ни морально. Он хорошо знал Чмеля Владимира, Харкевичей - Андрея и Николая, Буланова Николая и тем более меня. Он каждый раз шел вечером домой мимо моего дома и видел постоянно мою убогую жизнь и мой быт, и может, потому в его глубинке души теплились чувства сожаления ко мне. По-видимому, из тех же соображений Дэй Владимир так же щадил меня.

С остальными, которые приходили к клубу с разных улиц и проулков, Гумен вообще не считался.

Надеясь на свою крепкую физическую силу и усвоение боевых приемов самбо, он позволял себе отбирать деньги у ребят, побить каждого, кого захочет, пригрозить. Гумен устраивал драки возле клуба просто так - чтобы видели, как он владеет приемами. Летом он слонялся в майке с узенькими плечиками и это подчеркивало его могучую грудь, покатые плечи, круглые, как мяч, постоянно движимые мышцы, крепкую накачанную шею.

Часто, демонстрируя удар своего кулака, он с силой бил по доскам забора. Доски не выдерживали и лопались, а на лице Гумена появлялась довольная улыбка. Такие удары он отрабатывал и на ребятах слабее его.

За Сашкой Гуменом ходила дурная слава. Не один раз поговаривали, что на ставке возле сахарного завода он утопил парня. Все попытки наказать его окончились безуспешно, так как он глухонемой. Гумен отнекивался, бил себя в грудь, доказывая свою невинность и произносил при этом слово «чело» несколько раз подряд, что обозначало на нормальном языке - честно. Честно, я не делал этого. Честно, я не виноват. Честно, я не буду больше. Вообще-то, Гумен, можно сказать, был, в некоторой степени, не совсем глухонемой. Он, например, хорошо произносил слово «прима», «Витя», «пошел» и много других. Некоторые слова произносил так, что можно было свободно догадаться, что он сказал. Если сильно засвистеть, он оборачивался. Сашка Гумен даже учился в носовской средней школе первые три класса. Он хорошо умел понимать любого, говорящего с ним, по губам. Ну и, конечно же, он в совершенстве владел азбукой глухонемых. Этой азбуке разговорной речи на пальцах Гумен обучил и Николая Буланова - «карася» и тот свободно общался с ним.

Кроме книги «Самбо», которую он всегда носил с собой и которую изучил досконально, Гумен не брезговал иногда носить с собой и финский нож, мотивируя это тем, что если на него, дескать, нападут целой кучей, то ему придется применять холодное оружие.

Гумен редчайше мог выпить. Вообще он не пил водку, а если выпьет, то тогда звереет основательно. Будучи подвыпивши, он как-то показал обрез охотничьего ружья, что, конечно не могло не напугать всех нас.

Гумен постоянно показывал нам приемы практически, за долю секунды мог вывернуть руку любому из нас, сбить с ног, поставить на голову и так далее.

Самое страшное, что Гумен Сашка неоднократно испытывал на нас и в том числе на мне прием временного удушья. Он брал обыкновенный шарф, набрасывал кому-нибудь из нас и просил, чтобы его «подопытный» выдохнул из себя воздух. В этот момент, когда человек выдохнул воздух, Гумен резко сжимал шарф вокруг шеи на несколько секунд. Подопытный, не помня себя, падал на землю, а когда приходил в сознание, начинал биться в конвульсиях. Смеялся от удовольствия Гумен, смеялись и наблюдатели. Такие эксперименты он проводил не только на зеленой траве за клубом, но и в фойе клуба, среди массы танцующих. Упав на пол, парень дергался в конвульсиях, приходил в себя, поднимался на ноги и спрашивал, как после глубокого сна окружающих:

— А почему я лежал на полу?

Все гоготали и ржали, а парень растерянно и в недоумении смотрел то на них, то на Сашку Гумена, потом встряхивал головой и уходил прочь на улицу.

Такой фокус Гумен проделал и на мне, после чего я старался всячески на пантомимах объяснить ему вредность и опасность подобных экспериментов. Я говорил ему о том, что он может просчитаться в количестве секунд, передавить шею на дольше и человек не проснется уже никогда. Гумен смеялся и показывал мне на свои наручные часы - мол я не дурак и смотрю на время. Больше, чем положено, я не держу шарф.

Сашка Гумен, отрабатывая приемы самбо на нас, частенько хвастался своими остроносими туфлями, на которые были набиты миллиметровые стальные подметки. Подметки эти были самодельные, но подогнаны капитально. Отрабатывая приемы, Гумен показывал нам, как можно такой подметкой одним ударом по голени противника вывести его из сознания и обезвредить его в дальнейшем. Он натренировал нас делать «мельницу» исключительно быстро, за долю секунды, и я, показывая этот прием своему товарищу Андрею Харкевичу, чуть было не сломал ему шею, поставив его головой на землю, хотя Андрей был тяжелее меня по меньшей мере килограммов на семь-восемь. Я и сам потом жалел об этом.

Но каким бы не был Александр Гумен физически сильным и накачанным, а старался не вступать в конфликт с Владимиром Дзем. Гумен держался в стороне от Дзя и до некоторой степени побаивался его.

Однажды, отрабатывая приемы самбо на ребятах, Гумен не заметил, как в небольшом переулке, что вел к самому клубу, появилась неожиданно чуть сутулая фигура Володьки Дзя. Дэй шел прямо к тому месту, где Гумен издевался над ребятами слабее за него. Два-три кратких резких слова и пронизывающий насквозь страшный взгляд белых глаз с черными, как смоль

зеницами в сторону Гумена и все закончилось... Гумен попробовал что-то объяснить на пантомимах, но грозное, тяжелое, как свинцовая гиря и нещадящее:

— Пшел вон, сука! — которого он, Гумен, так и не услышал, а только догадался по движению губ Дзя и выражению его глаз - полностью охладили Гумена и сломили его...

В фойе клуба звучит музыка. Красивый парень - Миша Кузьменко играет на баяне и сам подпевает мелодию из кинофильма «Літа молодії», который не так давно увидели носовчане. Он не певец, но голос у него без фальши. Танцуют пары, слышен звонкий девичий смех. Повсюду оживленный разговор.

В разных уголках фойе стоит молодежь и о чем-то беседует. Девушка стыдливо опустила глаза на свои руки, пальцы которых переминают вышитый платок.

В открытую дверь врывается летний ветерок, который несет с собой огромную охапку неповторимого, не похожего ни на один запах - запах сирени. Свежий воздух добавляет сил танцующим, бодрит их.

Звучит вальс, в танце кружатся пары, крепче обнимают руки парня свою партнершу. Смеются радостные глаза девчат. Слышен чей-то басок:

— Смотри, Алексей, не раздави ее. Видишь, как уцепился. Сломаешь талию.

И снова веселый смех. Снова стало душно, не смотря на то, что дверь в фойе постоянно открыта. Выходили на улицу. Завтра праздник 1-го мая.

Идем втроем - Коля Харкевич и я, по обе стороны, а Валерий Кинсбургский посередине. Его маленькая фигура не достает и до половины туловища Харкевича. Валерий оживленно с приподнятым настроением рассказывает нам о том, как завтра будет проходить концерт в клубе, посвященный празднованию 1-го мая. Ведь он вращается в светских кругах и является участником самодеятельного хорового коллектива.

Приходим на Почтовую и останавливаемся возле калитки дома Харкевича. Темень. Валерий декламирует некоторые новые стихотворения. Вспоминаем прошедший предпраздничный вечер и песню, которую спел и саккомпанировал баянист клуба Михаил Кузьменко. Вспоминаем наших девчат - Веру и Ларису. При этом Николай посмотрел многозначительно на меня и вздохнул...

Приходите, ребята, завтра на концерт. Будет интересно. Я закончил стихотворение и написал к нему музыку. Завтра буду выступать с коллективом. Спою вам, как и обещал, «Носовский вальс». Вот послушайте слова. Но для того, чтобы вас больше заинтересовать, я прочитаю вам только первый куплет.

Давай, — говорит Харкевич.

Валерий начинает, а мы, затаив дыхание, слушаем лирические строчки нового вальса.

Вже сутінки в полі лягли,
Погасли по хатах вогні.

В обіймах вечірньої мли,
Давно спочиває ві сні
Носівка - рідні края,
Веселка і радість моя,
Нам шле привітання в цей час,
Улюблений вальс.

Валерий на какое-то мгновение остановился, повернул голову куда-то в сторону, в темноту, которая окутала берег вдоль Носовочки, и луг, и госпиталь. Он глубоко задумался. Николай вынул руку из кармана, по-товарищески положил ее на плечо Валерия.

В праздничном одеянии центр Носовки. На всех государственных учреждениях трепещут красные полотнища. Чисто убраны улицы. Жители спешат на стадион, что возле редакции газеты «Сталінський прапор». На этом стадионе Носовка отмечает все праздники. По всему периметру стадиона разместились все школы Носовки. Как всегда, после праздничного выступления первого секретаря Носовского райкома компартии Бролиша, первомайский походный марш открывает средняя школа №1. Классные руководители стараются изо всех сил, чтобы их класс не подвел, идя в колонне. Они бегают из конца в конец своей колонны, равняют шеренги, поправляют пионерские галстуки на шеях своих учеников, застегивают пуговицы на рубашках у невнимательных. Звучит марш. Впереди идут крепкие, стройные десятиклассники со знаменами, а за ними шеренги ребят, которые вооружены настоящими автоматами ППШ. Боевое оружие всегда несли на праздники ребята десятых классов. Оно хранилось и изучалось в школе на военной подготовке.

Духовой оркестр заиграл марш «Утро красит нежным светом стены древнего Кремля». В воздухе висят разноцветные воздушные шары. Всюду цветы, цветы, цветы...

Директор средней школы №1 явно переживает. Он боится, чтобы кто-то не сбился с шага. Тогда - наломают дров...

Впереди колонны шагает бывший фронтовик, капитан, а ныне военрук школы. Звучит в воздухе многоголосое «Ура!».

После парада будут спортивные соревнования школ Носовки и окрестных сел Красные Партизаны, Мрин, Иржавец, Козары и множества других, которые съезжаются в райцентр ежегодно на праздник.

Каждый из присутствующих хочет успеть всюду и везде. Надо побыть и на стадионе и посмотреть праздничный концерт в клубе. Ребята толпятся возле тира. Там можно пострелять из воздушного ружья и показать свое мастерство.

Девочки с визгом и хохотом окружают своих руководителей классов. Обнявшись за плечи, идет празднично наряженная группа девочек. Посередине красивая молодая учительница — Анна Федоровна Прокофьева. Звучит песня:

Мне хорошо, колосья раздвигая,
Сюда ходить вечернею порой.

Стеной стоит пшеница золотая
По сторонам дорожки полевой.

Песню подхватывает ветерок и разносит по всему стадиону. Ее подхватывают другие классы, и уже вся окрестность наполняется радостными, мелодичными, лирическими словами:

Мы вместе с ней в одной учились в школе
Пахать и сеять выезжали с ней
И с той поры мое родное поле
Еще дороже стало и милей.

В зале клуба людей - море. Это в основном те, что хитрее, и которые не досмотрели на стадионе, а побыстрее убежали, чтобы досталось сидячее место. Но нам, ребятам, не привыкать постоять вдоль стен, или же сесть прямо на деревянный пол впереди первого ряда, прямо возле сцены. Еще краше. Никто не будет дергать постоянно тебя и просить, чтобы отвел голову в сторону или наклонился. Нам все видно, как на ладони.

Возвращаемся на стадион. Мы не боимся, что не успеем посмотреть праздничный концерт и продолжаем всей компанией смотреть окончание парада.

Впереди идут рослые, крепкие ребята средней школы №1 -Криворотый Виталий и его брат Григорий, Борис Рубаник, Байгатулин, Владимир Цокота, Виталий Чмель. Эти ребята всегда в первых рядах носовских школ. Эти ребята - гордость Носовки и средней школы в спортивных соревнованиях. Без них не проходит ни одно спортивное мероприятие. Без них - и футбол не футбол.

Носовская футбольная команда - это гроза для многих районов Черниговщины. Никто не может пробить ворота Григория Криворотого, как и никакой вратарь другой команды не может удержать мяч, который подает Борис Рубаник. В то время удар Рубаника сравнивали все с ударом знаменитого футболиста, известного на весь мир Саши Бутузова, который выбил за ворота вместе с мячом обезьяну, которая стояла на воротах в одной из команд США.

Борис Рубаник бил свой роковой мяч левой ногой. Удар был настолько сильным, что вратарь не выдерживал его со штрафной площадки. После того, как мяч попадал в руки вратарю, тот хватался за живот и выходил из игры на некоторое время.

Досмотрев футбольный поединок носовской команды с райцентром Борзна и закончившийся с огромной победой, как и всегда носовчан, мы с радостью бежим к клубу.

Мы не ошиблись. И на этот раз нам придется стоять вдоль стены. Все сидения заняты. Некоторые сидят прямо на коленях товарищей.

Оля Кузьменко выходит на сцену в парадном национальном украинском костюме. Она объявляет репертуар.

Директор клуба Николай Николаевич Мольченко поздравляет присутствующих с праздником 1-го мая, кратко докладывает об успехах, которых добились трудящиеся района в честь всенародного праздника и вслед за докладом объявляет первый номер концерта.

— Сейчас перед вами выступит участник хорового коллектива районного дома культуры, носовский поэт и певец — Валерий Кинсбургский. Зал замер. О том, что Валерий хорошо поет, знали многие, но что он еще и поэт - единицы.

— «Носовский вальс». Слова и музыка Валерия Кинсбургского. Исполняет автор. Аккомпанирует на баяне Михаил Кузьменко.

После бурных аплодисментов в зале наступила тишина. На сцену выходит красивый, маленького роста юноша - наш общий товарищ. По всему видно, что он в хорошем настроении. Он щедро улыбается, ждет музыкального вступления. И вот уже красивая, таинственная мелодия наполняет зал. Задушевные слова, которые слетают с уст Валерия заставляют нырнуть в тайну вечерней мглы.

Вже сутінки в полі лягли
Погасли по хатах вогні
В обіймах вечірньої мли
Давно спочиває ві сні
Носівка - рідне село
У щасті воно розцвіло
Нам шле привітання в цей час
Улюблений вальс.

В зале абсолютная тишина. Никто не смеет пошевелиться на сидении, чтобы не издать скрипа. В юных сердцах юношей и девушек - «коханья палкого вогні».

Ми в парі з тобою йдемо
В веселії ночі ясні
І в юних серцях несемо
Кохання палкого вогні
І з нами рідні края,
Веселка і радість моя
Нам шле привітання в цей час
Улюблений вальс.

Весь зал долго и неугомонно аплодирует. Мы рады за своего товарища. Сегодня вечером мы вместе споем этот вальс, чтобы навсегда запомнить его, нашу юность, нашу родную Носовку, в которой вскоре многим из нас так и не пришлось больше жить до конца своих дней...

В Носовке начались новостройки. Закладывался фундамент под будущую столовую. Главный прораб Григорий Харченко набирал специалистов строителей всех специальностей. Нужны были также и разнорабочие. Так хотелось погулять во время летних каникул, но жизнь становилась чем дальше,

тем хуже. Парализованная мать еле передвигалась во дворе, да и то с костылями.

Ушел на строительство столовой и я. Какие только работы не доводилось выполнять. Ведь у таких пацанов, как я, никакой профессии еще не было, и поэтому сначала приходилось мешать раствор для штукатурки. Штукатур Дима разбрасывал этот раствор так мастерски, что я еле успевал делать новый замес. В ящик, сбитый из досок, нужно было наносить несколько ведер песка и цемента, гашеной извести и воды и все это перемешать несколько раз. Мастер-штукатур разбрасывал за день четыре, а то и пять замесов. За день наработаешься так, что после работы руками пошевелить больно.

Кроме этой работы таким, как я разнорабочим приходилось постоянно выносить строительные отходы из помещения: остатки глины, кирпича, раствора, песка и засохшей штукатурки и разного мусора.

Уже на последнем этапе строительства столовой прораб Харченко перевел меня на завершающую работу - вальцевание потолка. Эта работа тоже не из легких. Снова замесы, но уже из глины и нарубленной соломы. Двое из нас, таких, как я ребят, сидели на крыше здания и тянули руками тяжелое ведро с густо замешанной глиной, а цыган Володька стоял внизу и постоянно накладывал ведро и ждал, когда мы опустим крючок с веревкой, чтобы снова зацепить новое ведро. Когда надо было замесить новый замес, тогда мы с напарником слезили с крыши и уже втроем носили глину, мешали солому, месили босыми ногами замес.

Кстати сказать - на строительстве столовой не было абсолютно никакой техники, и все работы, начиная от приготовления раствора, подноски кирпича, подъема на крышу досок, бревен, брусьев, глины и всего прочего материала осуществлялся за счет человеческих рук. После, когда закончилось строительство носовской столовой, и пришлось работать на закладке фундамента нового дворца культуры, приходилось носить носилки с гранитной булыгой постоянно на второй этаж. Эти булыги были такой величины, что ручки носилок иногда не выдерживали и лопались пополам.

Но, пока что, о дворце культуры не было разговора. Мы заканчивали носовскую столовую.

У цыгана Володьки (так все его звали) была красивая молодая, как и мы, дочь Люба, которая так же работала на строительстве в бригаде штукатуров.

Ребята не могли спокойно смотреть на Любу, когда она проходила мимо них. Мощные, плотные бедра и пышная грудь не давали покоя каждому, кто наблюдал за ней. Некоторые не выдерживали, бросали свое орудие труда и - давай обнимать Любу. Но Люба быстро отбивала охоту у парня.

— Ну что ты меня щупаешь? Неужели у меня тело не такое, как у тебя? Ну на, если тебе так хочется пощупать мои...

Она одним движением руки расстегивала блузку и той же рукой вынимала на поверхность роскошную девичью грудь. Тот, кто обнимал - торопел, опускал

руки вниз и, выпучив глаза, смотрел на Любино лицо, не говоря ни слова и раскрыв рот. Люба, после молчаливой паузы, прятала свое сокровище, застегивала блузку и уходила с улыбкой прочь. Парень стоял, как глухонемой еще какую-то минуту, провожая Любу взглядом.

Это было время «хрущовской оттепели», когда по распоряжению Никиты Сергеевича все цыгане были в обязательном порядке паспортизированы и вели оседлый образ жизни.

Пролетали дни за днями, уходили от нас месяцы и годы нашего детства. Мы были полны сил и энергии, но все чаще задумывались над тем, как строить свою жизнь дальше.

Я снова работал во время летних каникул на очередном строительстве после носовской столовой - дворце культуры. Учиться в школе на дневном отделении в десятом классе я не имел возможности, так как материальные условия были невозможными, нетерпимые. Нужно было зарабатывать самому на себя. Изба рушилась с каждым днем. Помощи со стороны я не ждал никакой, хотя, по правде, говоря буквально, рядом за три десятка метров располагалось помещение Носовского райсовета и мою избу видел со своего окна председатель Щербаков. Но его взгляд на мой быт и положение был совершенно спокойным и безразличным.

Десятый класс я заканчивал вместе с моим другом Володией Чмелем в вечерней школе № 1.

Николай Харкевич тоже работал на разных работах, дабы хоть как-то помочь материально своей сестре Ниле, которая в то время училась в музыкальном заведении в городе Чернигове. Все заработанные деньги он отдавал ей, экономя даже на своих брюках.

Валерий Кинсбургский уже тогда мечтал ехать поступать в вуз в Киев или Одессу.

Володя Чмель, как и раньше, работал в клубе да еще и частенько выезжал на околичные села с кинопередвижкой. Андрей Харкевич уже полностью освоил профессию обувщика и работал в Носовском райпромкомбинате в сапожной мастерской. Так мы и не замечали того, что становимся взрослыми. Директор носовского райпромкомбината - Кобзарь, решил помочь мне в освоении новой профессии - профессии фотографа. Так я стал учеником носовской фотографии и уже за три месяца освоил новую для меня профессию. Не один раз приходилось выезжать на окраину Носовки в разные колхозы с выездным фотографом (который так и числился в фотографии) Филем Степаном Гавриловичем и фотографировать передовых тружеников — колхозников.

Частенько приходилось исправлять вынужденные ошибки Степана Гавриловича, потому что кроме умения хорошо фотографировать, он имел грешок небольшой, характерный для всего мужского рода. Под такой грешок, бывало, нафотографирует, а когда проявит пленку - пусто...

— Едь, Виктор, и снова сфотографируй всех. Одним словом — выручай, брат.

Я и ехал. Приезжал в тот или иной колхоз, просил извинения за того фотографа, у которого «случайно» подвела пленка, не по его, так сказать, вине.

Все реже стали наши встречи в домике на Почтовой. Все меньше виделись мы и на улице. Днями на работе, а вечерами в домашних хлопотах. Постоянное одиночество. Хоть волком вой.

Однажды домой приехала Вера Харкевич с подругой Ларисой. Я был рад этому приезду и своей старой любви, хоть эта так называемая любовь была всегда односторонней, и только с моей стороны.

На улице воробьиная ночь, хоть глаз выколи. Столкнешься с телеграфным столбом, искры из глаз посыплются, а все равно столба не увидишь.

Натренированность в фотографировании у меня была хорошая, и я без экспонометра, вычислив расстояние от девчат, нажал на спуск. Магниева вспышка осветила все вокруг — избы и деревья, и речку Носовочку... Так и остались они, улыбающиеся, на темном ночном фоне — восемнадцатилетними...

Это был, наверное, мой последний снимок в Носовке. Приближалась осень 1960 года. Она несла с собой неизвестность, неуверенность, тоску. В последние два года мать совсем не ходила ногами, за исключением два-три шага по хате. Мне нужно было работать за мизерные деньги, чтобы хоть как-то питаться и во что-то одеваться. Надо было иметь средства для того, чтобы покупать дрова или уголь, торф для отопления жилья. В избе вываливались стены. Назревало критическое положение.

Кроме всего, необходим был постоянный уход за матерью и неотлучное пребывание с ней. Ее сестра Прасковья, которая жила с двумя взрослыми дочерьми, не захотела постоянно ухаживать за матерью, и через некоторое время определила ее в дом инвалидов в город Новгород-Северский, что на Черниговщине. Перед тем, как отправить маму, я уговаривал свою тетку Прасковью, чтобы она изменила свое решение и присматривала за ней до тех пор, пока я отслужу срочную службу в армии. У меня был призывной возраст. Тетка Прасковья согласилась, и я, с надеждой на лучший исход, пошел в носовский райвоенкомат с просьбой о том, чтобы мою отсрочку перечеркнули.

Это было мое прощание с детством и юностью. Это было мое прощание с дорогим и близким, родным и незаменимым мне человеком - моей мамой.

После года службы я приобрел хорошую специальность, которая нужна была везде, как говорится, на гражданке, и мне дали отпуск по семейным обстоятельствам.

Приехав домой, я посмотрел на свою избу. Крыша и потолок упали вовнутрь. Не раздумывая я поехал в Новгород-Северский, чтобы забрать мать и привезти ее в Носовку к сестре.

Мне оставалось отслужить два года. Расчет был простым и реальным. Отслужу два года, вернусь домой. Специальность есть. Крановщики везде и всегда нужны. Мать побудет с сестрой и племянницами, а я заработаю денег и построю небольшую избу, но зато собственную.

Я привез мать снова к сестре и договорился, чтобы она за ней ухаживала на время моей службы. Через десять дней я уехал в Среднюю Азию на службу, а спустя полгода я узнал, что моя тетка Прасковья, а материна родная сестра отдала ее снова в дом инвалидов. Вскоре мама умерла. О ее смерти я узнал намного позднее, почти перед окончанием срока службы. Писем от тетки я не получал, да и сама она, как потом выяснилось, умерла на год раньше матери. Ее взрослые замужние дочери, а мои двоюродные сестры не смогли, а вернее не захотели забрать домой свою тетку. Там - в Новгород-Северском и похоронили маму мою. Но я забежал намного вперед. Я только готовился уходить в армию, и обо всем этом я еще расскажу в своей следующей повести.

Вместо эпилога.

Через десятки лет всплывают перед глазами лица моих ровесников, юных носовчан и носовчанок. Аккуратного и элегантного Лени Москальца — пародиста чужих голосов, весельчака и юмориста, который всегда веселил молодежь возле клуба.

Вспоминаю его брата Анатолия — степенного, серьезного и неутомимого труженика с юных лет.

Не оставляет мою память и образ смешного парня, шутника и оптимиста — Коли Буланова, карася.

Постоянно вижу сквозь даль годов товарища нашей юности доброжелательного, скромного и порядочного во всех поступках, симпатичного Мишу Святного.

Вспоминаю красивых и скромных девчат — Любочку Кривенко, Люду Пархоменко, Веру Харкевич и ее подругу Ларису Бурдюг. Вспоминаю и тех, которых уже нет с нами на этой грешной земле.

По всему бывшему Советскому Союзу, будучи на службе в авиации, «летали» со мной всегда на борту военного самолета семьи Харкевичей — Андрея и Николая, Володя Чмель и Валерий Кинсбургский. Ни горе, ни беда, ни расстояния не смогли вычеркнуть из моей памяти мою дорогую и первую учительницу - Анну Федоровну Прокофьеву и моего верного друга раннего детства — Колю Белошапку.

Судьбы и расстояния разделили нас «по воле рока». Десятилетия украли в наших лицах красоту, многое стерли в нашей памяти, но то, что осталось в наших сердцах и запомнил мозг. Нужно сохранять и с любовью вспоминать даже о том, что когда-то, в той далекой юности, на первый взгляд казалось обидным.

Вспоминайте и вы, друзья мои и товарищи, о той дорогой и неповторимой юности, рассказывайте о ней своим потомкам, ибо может так случиться, что не успеем...

Помню я о вас. Дорогие носовчане и носовчанки. Многих моих ровесников-одноклассников уже приняла земля. Их нет с нами. И только «Носовский вальс» постоянно напоминает о них и о нашей пламенной юности.

Вже сутінки в полі лягли
Погасли по хатах вогні
В обіймах вечірньої мли
Давно спочиває ві сні
Носівка - рідне село
У щасті воно розцвіло
Нам шле привітання в цей час
Улюблений вальс...

Джерело:

<http://fb.com/groups/628795813914575/permalink/2843444592449675/>

https://nosivka-syut.at.ua/blog/nosivskij_vals/2018-04-07-59